

Полуночный ковбой, ученик Станиславского

Да, американский актер Джон Войт, чья слава начиналась с фильма «Полуночный ковбой», считает себя учеником Станиславского, хотя родился в тот год, когда умер Константин Сергеевич. Звезда кино, он приехал в Москву, чтобы представить депутатам Верховных Советов СССР и РСФСР картину «Возвращение домой», в которой сыграл главную роль, отмеченную в свое время премией «Оскар». Было это в рамках беспрецедентной в истории кинематографа двух стран встречи, организованной обществом «Американо-советская киноинициатива» (подробности «Известия» сообщали в № 210). И вот мы беседуем с Джоном Войтом в гостинице «Советская».

— На этом снимке,— показывает Джон Войт вырезку из американской газеты,— вы видите Энтони Бирджа, десятилетнего паренюка из Вирджинии. Он инвалид, прикован к коляске. Мы познакомились случайно в небольшом отеле Лос-Анджелеса: Энтони приехал познакомиться с актерами Голливуда. Узнав о том, что я еду в Москву, он взял меня за руку и, мудро улыбувшись, доверительно посоветовал: «Ты должен обязательно сказать им, что мы хотим дружить. Пусть знают...» Когда вернулся, непременно позвоню ему.

— Передайте и наши лучшие пожелания.

— О да! Он обрадуется.

— Так уж сложилось, что с американским кино наши зрители знакомы больше понаслышке. Вы — звезда, это знают. Но немногим известно, как вы, к примеру, начинали свою актерскую жизнь.

— Родился в Йонкерсе, это неподалеку от Нью-Йорка. Здесь снимался знаменитый мюзикл «Хелло, Долли!». Не знаю, всем ли интересна моя биография?.. После колледжа приехал в Нью-Йорк учиться на актера. И увлекся системой Станиславского. Моими учителями были Сэнфорд Майнер и Ли Страсберг, режиссеры знаменитые, непохожие, но в одном единые — в приверженности к методу великого русского режиссера. Когда я начал работать в театрах Нью-Йорка, то часто ловил себя на том, что думаю, как Станиславский, играю, как он бы играл на моем месте. Мне казалось, что я понял его лучше других. Я пытался разобраться в себе. И в этом опять помогал он. Станиславский создал систему, которая позволяет актеру достичь очень высокого мастерства. Во многом творче-

скими успехами я обязан ему.

— Вы были во МХАТе?

— Конечно. Как только приехал, сразу попросился во МХАТ. Сидел в ложе, шел спектакль «Перламутровая Зинаида», а со мной происходило что-то странное, очень трогательное. Сцена, зал — все было таким, как на картинке из учебника моей актерской молодости. Был бы Станиславский жив, мне кажется, мы бы нашли, о чем поговорить...

Практически всегда Джон Войт играет людей, судьба которых трудна, драматична. В «Возвращении домой», к примеру, инвалида вьетнамской войны. Василий Горчаков (он специалист по американскому кино, помогает в беседе) задает Джону Войту вопрос о том, сам ли актер выбирал такие роли или это случайное совпадение.

— Да, выбирал сам. Меня притягивали эти герои. В моей судьбе тоже немало драматичного — бури, громы, взлеты и падения. Были сбои. Уроки иногда извлекал не сразу, повторял ошибки. Но сейчас, мне кажется, я уже обладаю каким-то знанием, как жить, для того чтобы помогать другим. Люди никогда не должны терять надежду, это понял точно. Главное, как говорят на Востоке: «Стремись, стремись — будет результат!»

— Или — «Ищите и обрящите»...

— Да, это нужно людям.

— Могли бы вы назвать тех, кто сформировал вас таким, — будь то исторические деятели, философы, писатели?

— Их много. Со временем я больше стал отождествлять себя с людьми, творившими добро и умевшими его защищать. Это были не обязательно исторические личности. Я считаю, что

всем бы надо быть такими — хотя бы 20 минут в день. А лучше изо дня в день делать добро, защищать добро. Христос, Ганди, Лев Толстой — это идеал. Но все-таки в каждом из нас есть для этого все предпосылки.

— Когда вы выбираете роль, вас могут остановить моральные соображения?

— Одно могу сказать: я всегда серьезно подходил к выбору. А потом столь же серьезно относился к роли. Может быть, даже чересчур фокусировался на этом, — и добавил, улыбувшись. — Это очень по-русски, не так ли?

— Вам пятьдесят. Можете ли сказать, что все в вашей жизни сложилось так, как хотелось?

— Не так уж плохо все было. Я счастливый человек. А сейчас преисполнен энергией. Столько еще предстоит сделать! Программа расписана на шестнадцать лет вперед. А потом... Потом все — свободен. Это я сейчас так считаю.

— Поездка в нашу страну внесет какие-либо коррективы в вашу программу?

— Надо подумать. В глубине души я понимал: все люди в принципе одинаковы. Всегда старался избегать стереотипов. Людей можно заставить быть эгоистичными, злобными, запуганными, и тогда они соответственно ведут себя. В Москве убедился: у наших народов много общего. Это особенно заметно сейчас, когда у нас перестройка, гласность, когда мы видим и слышим вас, вы — нас. Нам надо лучше знать друг друга. И я тоже хочу внести лепту в это благородное дело...

Вл. АРСЕНЬЕВ.

Фото А. РИКЕЛЬМАНА.